

Украина и украинство.

Украинскій вопросъ въ Россіи имѣеть достаточно „почтенную“ давность, считать ли его начало съ присоединенія Украины къ Московскому государству, или съ тѣхъ фактовъ, которые за нѣсколько десятковъ лѣтъ передъ тѣмъ поставили его на очередь московской политики, сдѣлавъ его разрѣшеніе въ концѣ-концовъ вопросомъ государственной будущности Московскаго государства, или, наконецъ, съ первыхъ проявленій назрѣвающаго конфликта московской политики съ жизнью и стремленіями Украины по ея присоединенію. Главнѣйшіе моменты въ продолжительномъ развитіи этого вопроса болѣе или менѣе извѣстны. Но украинство современное, встающее во весь ростъ своихъ національныхъ требованій, съ постулатами національной жизни, полноты и довлѣмости національной культуры,—явленіе сравнительно новое, или, можетъ быть, скорѣе кажущееся новымъ послѣ предшествующаго подавленія и паденія національной украинской жизни, настолько понизившихъ уровень національнаго самочувствія, что даже выдающіеся представители украинскаго движенія еще такъ недавно находили возможнымъ выступать противъ расширенія роста національной культуры въ настоящемъ или отрицать наличность стремленій къ политическому самоопредѣленію у украинскаго народа въ его прошломъ. Нельзя особенно удивляться, если на людей, стоявшихъ далеко отъ украинской жизни, не слѣдящихъ ни за успѣхомъ украинскихъ изученій, ни за движеніемъ украинской жизни въ послѣднія десятилѣтія, это „новое“ украинство, представшее со своими запросами и требованіями, производило впечатлѣніе чего-то неслыханнаго, страшнаго, искусственно вздутаго, продукта фантастическихъ мечтаній какой-то „кучки“ или постороннихъ воздѣйствій. Такіе взгляды и сужденія объ украинствѣ становятся, однако, все менѣе извинительными съ теченіемъ времени, съ накопленіемъ „оказательствъ“, свидѣтельствующихъ о жизненности и органичности этого новаго укра-

инства, съ умноженіемъ источниковъ, изъ которыхъ люди, сколько-нибудь интересующіеся характеромъ и сущностью этого движенія, могутъ ближе ознакомиться съ его современнымъ состояніемъ и тѣми историческими основаніями, на которыхъ оно создано, съ его статикою и динамикою. Тѣмъ не менѣе подобныя взгляды несомнѣнно существуютъ и притомъ довольно широко распространены даже среди людей непредубѣжденныхъ и по своему общему міровоззрѣнію склонныхъ благожелательно оцѣнивать стремленіе обойденныхъ и подавленныхъ народностей къ возрожденію своей національной жизни и достиженію ею свободнаго развитія. Поэтому на первыхъ страницахъ органа, ставящаго своей цѣлью ознакомленіе съ движеніемъ, съ условіями и запросами современной украинской жизни, вполне умѣстнымъ и даже необходимымъ кажется сообщеніе первыхъ, хотя бы элементарныхъ, свѣдѣній о томъ, что такое современное украинство, на чемъ базируется оно, какія задачи преслѣдуетъ, какія стремленія имъ руководятъ.

Среди глубочайшаго паденія національной жизни, какое пришлось пережить украинскому обществу въ періодъ окончательнаго разложенія и ликвидаціи козацкой жизни, автономной Гетманщины, и непосредственно послѣ этой ликвидаціи, когда постепенно слабѣли и замирали традиціи великой національной борьбы въ восточной Украинѣ и исчезали послѣдніе отголоски славнаго культурно-національнаго движенія въ Украинѣ западной, огромное значеніе, въ смыслѣ подъема народнаго самочувствія (національнымъ въ той стадіи назвать его затрудняюсь), имѣла этнографическаѳя форма украинства; и свое доминирующее значеніе она сохранила до послѣдняго времени.

Задавленные нивелирующими условіями и политикой правительства проявленія украинской національной жизни въ настоящемъ были слабы или совершенно ничтожны: въ огромномъ большинствѣ къ нимъ нужно было подходить со спеціальной мѣркой мѣстныхъ интересовъ, мѣстнаго пѣтизма, чтобы констатировать ихъ наличность,—на общемъ фонѣ жизни они совершенно терялись. Прошлое также давало мало утѣшительнаго. Украинское общество отчасти растеряло свое прошлое, отчасти потеряло ключи къ нему. Даже эпоха, близость и связь съ которой чувствовалась наиболѣе живо,—козачество,—не столько поднимала

енергію картиною високаго подъема народной жизни, сколько угнетала ее тѣмъ истолкованіемъ, какое давалось ей авторитетнѣйшими представителями украинскихъ изученій, самими украинцами. Они видѣли въ событіяхъ этой эпохи доказательства неспособности украинскаго племени къ государственной жизни, отсутствіе основъ для политическаго и общественнаго строительства, полную безысходность, изъ которой дѣйствительно не было никакого другого выхода для украинскаго общества, кромѣ добровольнаго растворенія въ новыхъ условіяхъ общерусскаго централизма и унитаризма. вмѣсто яркихъ и прочныхъ историческихъ традицій, которыя могли бы послужить путеводными нитями для настоящаго, получались гнетущія представленія о „варшавскомъ сметѣ“ и „грязи Москвы“, оскверняющей прошлое. Будущее, если о немъ можно было мечтать въ такихъ условіяхъ (для огромнаго большинства, „трезво“ настроеннаго, это были дѣйствительно только „безсмысленныя мечтанія“), могло базироваться на условіяхъ болѣе внѣшнихъ, стихійныхъ, подъ вліяніемъ которыхъ могло бы въ будущемъ создаться новое украинство, какъ новый міръ изъ перевозданнаго хаоса. Въ этомъ смыслѣ представленія объ огромной массѣ украинскаго племени, ея чрезвычайной устойчивости, этнографической однородности и вмѣстѣ съ тѣмъ богатомъ этнографическомъ содержаніи, объ обширной украинской территоріи и колонизаціонной энергіи украинскаго племени—давали почти единственный просвѣтъ въ будущее. Историческій процессъ, въ представленіяхъ украинскаго общества, окончился полнымъ проигрышемъ украинскаго народа. Украинская интеллигенція проявила себя національной неустойчивостью, измѣною своей національности и ея историческимъ задачамъ, неизмѣнно покидая ее во всевозможныхъ положеніяхъ и переходя „въ станъ торжествующихъ“ противниковъ и угнетателей. Но вѣдь кромѣ нея оставался народъ, народное море, вѣчно юное, вѣчно обновляющееся, полное безконечно богатаго и драгоцѣннаго содержанія и, какъ море, по понятіямъ старыхъ фізіографовъ, одаренное дивною силою самосохраненія—не принимать въ себя ничего нечистаго, извергать вонь все скверное.

Подъ вліяніемъ идей романтическаго народничества, распространившихся въ украинскомъ обществѣ съ особенною силою въ виду вышеуказанныхъ условій, это общество

склонно было преувеличивать самодовлѣмость и иммунитетъ народной жизни,—позволю себѣ такъ выразиться. Оно готово было смотрѣть на все богатство этнографическаго содержанія украинской народной жизни, на всѣ эти яркія колоритныя пятна матеріальной культуры: на поразительное богатство пѣсенности, на оригинальныя складки психофизическаго украинскаго облика, такъ рѣзко отличающаго украинскую народную жизнь отъ жизни великорусской—съ одной стороны и отъ польской—съ другой, какъ на нѣкую эманацию внутренней народной сущности. Оно склонно было преувеличивать отрѣшенность народа отъ жизни интеллигентскихъ классовъ и ея вліяній и воздѣйствій, преувеличивало оригинальность элементовъ народной жизни, народной культуры, народной словесности, народнаго права, часто весьма зависимыхъ и дающихъ дѣйствительную и цѣнную оригинальность лишь въ своихъ сочетаніяхъ. Это была односторонность, крайность въ противоположную сторону, какъ крайностью было отрицательное отношеніе къ историческому прошлому и его представителямъ и не въ мѣру суровая оцѣнка ихъ политическихъ стремленій.

Для нынѣшняго украиновѣдѣнія и нынѣшней украинской интеллигенціи все это по большей части—уже безвозвратно пройденное. Мы не имѣемъ причинъ брезгливо отворачиваться отъ своего прошлаго. •Неблагопріятныя историческія условія были причиной, почему въ прошломъ у насъ не сложилось такого яркаго, кристальнаго понятія нашей національности, какъ это имѣло мѣсто у многихъ другихъ, въ болѣе благопріятныя условія поставленныхъ народовъ; но мы видимъ, что въ тѣ моменты, когда народная жизнь имѣла возможность самоопредѣленія, не было недостатка въ стремленіяхъ къ политической, государственной, жизни,—и что важнѣе,—нѣтъ недостатка и въ способностяхъ къ такой жизни, экспромтомъ создающихъ и средства, и формы для нея. Съ другой стороны, намъ нѣтъ надобности жить мистическою вѣрой въ сокровенную силу народа, „отъ себя“ творящую сущее изъ несущаго. У насъ есть уже настоящее, вполне реальное—все украинское движеніе, разлившееся въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, со своими вполне реальными пріобрѣтеніями. Въ этомъ смыслѣ современное украинское общество стоитъ въ условіяхъ, несомнѣнно, болѣе благопріятныхъ, чѣмъ поколѣнія, базировавшія свою

вѣру лишь на тысячахъ народныхъ пѣсень, красотѣ украинскихъ мелодій и милліонахъ мертвой этнографической массы. Оно можетъ болѣе трезво и объективно относиться къ своему національному достоянію и условіямъ его развитія.

Но, не раздѣляя увлеченій романтическаго народничества, современные представители украинскаго движенія и всѣ имъ интересующіеся, конечно, должны учитывать и, несомнѣнно, будутъ учитывать фактъ украинской этнографической статики, наличность огромной сплоченной колонизаціонной массы и сплошной національной территоріи, какъ обстоятельства, на-ряду съ историческими условіями украинскаго прошлаго обуславливающія самымъ опредѣленнымъ образомъ дальнѣйшее направленіе украинской жизни и украинской мысли.

Въ настоящее время украинская этнографическая территорія простирается приблизительно отъ 45° до 53° широты и 20°—44° долготы (отъ гринвичскаго меридіана), окружая сѣверный берегъ Чернаго моря широкою полосой, прорѣзанною въ центрѣ системой Днѣпра. На западѣ она выдвигается острымъ клиномъ, глубоко проникая въ гористую область Карпатъ, въ бассейнѣ Вислы; на сѣверѣ приблизительною границу даетъ порѣчье Припети. На западѣ и востокъ отсюда украинская колонизація образуетъ два выступа, въ бассейнѣ Буга (Холмская Русь и Подлѣсье) и въ бассейнѣ Десны, между Десной и Сожемъ. На востокѣ она захватываетъ почти весь бассейнъ Донца (кромѣ нижняго теченія) и мѣстами довольно глубоко врѣзывается въ бассейнъ средняго Дона. На югѣ доходитъ до побережья Чернаго моря и выдвигается рядомъ выступовъ на юго-востокѣ, на восточномъ побережьи Чернаго моря и въ бассейнахъ рѣкъ Кубани, Кумы, Маньча, мѣстами проникая въ горную область Кавказа и Каспійскія степи. Въ политическомъ отношеніи она входитъ въ составъ трехъ государствъ.

Въ Россіи расположены, на западѣ отъ Днѣстра, губерніи Волынская, Подольская, Киевская, Херсонская, Екатеринославская, части Люблинской, Гродненской, Сѣдлецкой, Минской, Бессарабской и Таврической; къ востоку отъ Днѣпра—губерніи Полтавская, Харьковская, части Черниговской, Курской, Воронежской, а также части областей Донской и Кубанской.

Въ Австріи находятся восточная Галиція (до теченія р. Сала на западѣ), небольшая, юго-восточная (подкарпатская), часть Галиціи западной и сѣверная часть Буковины.

Въ Венгріи—подкарпатскія, болѣе или менѣе значительныя части ея сѣверо-восточныхъ комитатовъ (Снишскаго, Шоршискаго, Землинскаго и особенно Унгварскаго, Бережскаго и Мармафощскаго).

Въ общемъ территория съ преобладающимъ украинскимъ населеніемъ въ Россіи занимаетъ свыше 750 тыс. кв. километровъ съ населеніемъ свыше 33 милліоновъ, въ Австро-Венгріи около 85 тыс. кв. километровъ съ населеніемъ около 7 милліоновъ; въ совокупности около 850 тыс. кв. километровъ или 15 тыс. миль, съ общимъ населеніемъ свыше 40 милліоновъ.

Собственно украинскаго населенія на этой территоріи въ настоящее время нужно считать около 33 милліоновъ, а именно: на той части территоріи, которая входитъ въ составъ Россіи, около 28 милліоновъ, и въ Австро-Венгріи около 4½ милліоновъ (именно въ Галиціи свыше 3½ милл., въ Буковинѣ свыше 300 тыс., въ сѣверной Венгріи около 500 тыс.)¹⁾.

Составъ населенія этой огромной территоріи, сравнительно съ ея размѣрами, отличается значительной однородностью и устойчивостью. Наиболѣе разрѣжено украинское населеніе въ западной части этой территоріи, особенно на ея окраинахъ. Кромѣ повсемѣстной, довольно значительной, примѣси еврейскаго населенія сосредоточеннаго главнымъ образомъ въ городскихъ поселеніяхъ, въ Галиціи украинскій элементъ въ значительной степени разрѣженъ поляками, въ Венгріи словаками и мадьярами, въ Бессарабіи, Буковинѣ и смежныхъ частяхъ Венгріи румынами, такъ что въ общемъ украинское населеніе составляетъ здѣсь около 70%, хотя встрѣчаются мѣстности съ весьма однороднымъ составомъ населенія, какъ, напр., нѣкоторыя горныя повѣты Галиціи и Венгріи, гдѣ украинскій элементъ до-

1) Обозначить предѣлы украинской территоріи и цифры украинскаго населенія можно лишь съ извѣстнымъ приближеніемъ, во-первыхъ, въ виду общей неудовлетворительной формулировки въ официальныхъ переписяхъ вопросовъ, связанныхъ съ этнографическими отношеніями, и, во-вторыхъ, специально неблагоприятнымъ положеніемъ украинской народности. См. подробнѣе въ статьяхъ: В. К-ий, Национально-територіальні межі України („Литературно-Науковий Вістник“ 1907, В. Охримовичъ, „З поля національної статистики Галичини“ (Студі з поля суспільнихъ наук і статистики, 1909, II), С. Томашівський, „Етнографична карта Угорської Русі“, 1910. Также въ книгѣ моей, „Очеркъ исторіи украинскаго народа“, изд. 3, 1911.

стигаетъ 90% даже по даннымъ официальной статистики. Затѣмъ слѣдуетъ степная Украина, колонизированная съ самаго начала (съ XVIII в.) украинскимъ элементомъ совмѣстно съ выходцами изъ разныхъ другихъ областей (сербами, болгарами, нѣмцами, великороссами, молдаванами и пр.) и въ послѣднее время, съ развитіемъ горной и горнозаводской промышленности, привлекающая наибольшее количество пришлаго элемента не только изъ украинскихъ, но и внѣ-украинскихъ областей. Далѣе идетъ Украина восточная, колонизированная и колонизируемая украинскимъ населеніемъ совмѣстно съ неукраинскимъ, главнымъ образомъ великорусскимъ. Въ этихъ областяхъ украинское населеніе также колеблется въ общемъ между 70—50%.

Зато центръ украинской территоріи отличается чрезвычайно высокой однородностью своего заселенія.

Въ Среднемъ Приднѣпровьи, т.е. въ губерніяхъ Полтавской, южной части Черниговской, восточной части Кіевской и смежныхъ частяхъ Екатеринославской, украинское населеніе составляетъ въ общемъ около 90%, достигая мѣстами, по даннымъ официальной переписи, до 98%! Западные части Кіевской губ., Волинь, Подолія—съ одной стороны, слободская Украина (Харьковская губ. со смежными частями Курской и Воронежской) занимаютъ среднее положеніе, имѣя въ общемъ отъ 70% до 80% украинскаго населенія.

При этомъ украинскій элементъ, обладая выдающеюся физической крѣпостью, о чемъ между прочимъ свидѣтельствуется чрезвычайно высокій приростъ населенія, особенно въ возрастѣ до 20 лѣтъ, отличается очень большой устойчивостью также и въ силу экономическихъ и общественныхъ условій своего быта. Приливъ сюда неукраинскаго населенія очень незначителенъ; въ мѣстностяхъ, лишенныхъ промышленности горной, заводской и фабричной, внѣ большихъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ примѣсь пришлыхъ элементовъ, рожденныхъ внѣ украинской территоріи, не превышаетъ 2%. Наболѣе пеструю окраску имѣютъ города. Внѣ ихъ среди сельскаго населенія украинскій элементъ отличается весьма сильнымъ преобладаніемъ надъ другими національными элементами и большою силой культурнаго сопротивленія. Причина этого лежитъ въ условіяхъ экономическаго быта. По даннымъ послѣдней переписи, около 87% украинскаго населенія своимъ глав-

нымъ занятіемъ имѣло сельское хозяйство; такую же картину даютъ и украинскія земли Австріи. Огромная масса украинскаго населенія живетъ еще въ условіяхъ натурального хозяйства, весьма мало затронутого новѣйшими формациями экономическихъ и социальныхъ отношеній, и весь бытъ его отличается большимъ консерватизмомъ. И если незначительность украинскаго элемента въ мѣстныхъ культурныхъ городскихъ центрахъ и разноплеменность ихъ населенія усугубляется культурною и національною слабостью этого элемента, въ результатъ которой городская интеллигенція, буржуазія и даже пролетаріатъ, теряя этнографическій обликъ, весьма часто теряетъ и сознание своей народности, что, въ свою очередь, отражается весьма неблагоприятно на культурной и національной динамикѣ, то, съ другой стороны, эта прочная національная структура территоріи и ея сельскаго населенія является несомнѣннымъ залогомъ будущаго, въ силу глубокой зависимости городскихъ центровъ отъ общаго характера территоріи ¹⁾.

Впечатлѣніе глубокой стихійной силы и устойчивости, даетъ намъ современная картина Украины. Предъ нами огромная, сплоченная территорія, единая географически, опирающаяся о море и горные кряжи, прорѣзанная мощными системами рѣкъ; предъ нами сплошное этнографическое море, мелѣющее по краямъ, но чрезвычайно глубокое, мощное въ своихъ центральныхъ частяхъ. Къ этому, какъ мы видѣли, надо присоединить, во-первыхъ, устойчивость коренного населенія, сильно растущаго, высылающаго на сторону свои излишки, не укладывающіеся въ нынѣшнюю экономическую структуру, но въ весьма слабой степени принимающаго постороннія примѣси и сильно ассимилирующаго ихъ, и во-вторыхъ, своеобразность и ярко выраженную оригинальность народной культуры, ея законченность и стойкость. Эта общая внушительная картина Украины поддерживается и усугубляется, когда мы обращаемся къ исторической эволюціи, динамикѣ народной украинской жизни. Тяжелыя историческія обстоятельства, обращавшія

¹⁾ По нѣкоторымъ изъ затронутыхъ здѣсь вопросовъ см. статьи: А. А. Русова, „Про занятя Українців по перепису 1897 р.“ (Записки Україн. Наук. тов. Кн. V), О. Корольова „Поділ українського народу на групи дорослості“ (тамъ же, кн. VII). М. Стасюк, „Економічні відносини України до Великоросії й Польщі“ (тамъ же, кн. VIII и IX). М. Порш, „Відносини України до іншихъ раіонів Росії на робітничому ринкові“ („Літ.-Наук. Вістник“ 1912, II).

противъ населенія всѣ тѣ географическія условія, которыя съ точки зрѣнія его настоящаго и будущаго мы рассматриваемъ какъ залогъ преуспѣянія и развитія,—они, съ другой стороны, раскрываютъ передъ ними въ полномъ блескѣ чрезвычайную силу, настойчивость и экстенсивную энергію украинской народной стихіи.

На зарѣ исторической жизни, съ половины перваго тысячелѣтія нашей эры, украинскія племена базируются въ сѣверныхъ частяхъ нынѣшней украинской территоріи, въ порѣчьяхъ средняго Днѣпра и его притоковъ, въ верхнихъ и среднихъ частяхъ Днѣстра и южнаго Буга, отчасти же въ восточныхъ районахъ Донского бассейна. Это племена сѣверянъ, полянъ, древлянъ, дулѣбовъ, на территоріяхъ которыхъ слагаются и вырастаютъ земли-княжества Черниговское, Переяславское, Кіевское, Волынское, Галицкое (отчасти Туровопинское). Извѣстный споръ о томъ, принадлежало ли населеніе Поднѣпровья въ кіевскую эпоху къ украинскому племени, или же это было племя великорусское, эмигрировавшее затѣмъ, въ татарскую эпоху, на сѣверъ и замѣщенное новымъ, украинскимъ населеніемъ изъ Западной Украины,—не имѣетъ подъ собой никакого конкретнаго основанія; нѣтъ никакихъ причинъ исключать населеніе Кіевской области или всего средняго Поднѣпровья изъ украинскаго расселенія VI—IX вв. и причислять его къ великорусской или „средне-русской“ колонизаціи¹⁾. Но украинское населеніе средняго Поднѣпровья со второй половины XII и затѣмъ въ XIII в. несомнѣнно отливало отсюда на сѣверъ и западъ, и въ XIV и затѣмъ снова въ XVI в. Поднѣпровье колонизировалось въ значительной степени наново, прежде всего изъ сосѣднихъ украинскихъ областей — сѣверныхъ (полѣськихъ) и западныхъ (галицко-волынскихъ), а затѣмъ изъ земель бѣлорусскихъ и другихъ сосѣднихъ, точно такъ же, какъ и юго-западныхъ Украины—земли подольская и брацлавская, порѣчья средняго Днѣстра и Буга. Энергія и быстрота, съ какою заселились эти пространства по обѣимъ сторонамъ средняго Буга и Днѣпра въ концѣ XVI в. и въ началѣ XVII, представляютъ явленіе выдающееся, въ высокой степени замѣчательное и поучительное, особенно если имѣть въ виду, что довольно распространенныя сужденія о колонизаціонной дѣятельности польскаго правительства и помѣщичьяго класса отча-

¹⁾ Подробно объ этомъ въ моей „Исторіи України“.

сти преувеличены, отчасти вовсе лишены основанія. Колонизація происходила стихійно, безъ всякаго плана, въ обстановкѣ чрезвычайно тревожной и неблагопріятной, такъ что приходится дѣйствительно удивляться созидательной энергіи народа, организовавшаго этимъ стихійнымъ процессомъ оборону края (въ видѣ козачества) и колонизировавшаго его среди неутихавшей пограничной борьбы, среди непрекращавшихся набѣговъ и разореній татарскихъ, а затѣмъ—кровавыхъ и разорительныхъ возстаній и войнъ польско-украинскихъ. Въ теченіе менѣе чѣмъ столѣтія была создана украинская территорія, равная территоріи стараго заселенія, съ весьма значительнымъ населеніемъ, такъ что уже со второй четверти XVII в. центр тяжести народныхъ украинскихъ движеній переходитъ съ западнаго побережья Днѣпра на восточное, представлявшее совершенную пустыню еще полвѣка тому назадъ. Постороннія этнографическія примѣси, каковы бы онѣ ни были—малы или велики (нѣкоторые изслѣдователи склонны преувеличивать значеніе польской примѣси, другіе—турецко-татарской)—были при этомъ усвоены и ассимилированы украинской стихіей, и эта сборная масса, едва осѣвшая, слагается чрезвычайно быстро въ единообразную массу: уже во второй четверти XVII в. мемуаристы, наблюдавшіе жизнь этой новой Украины, рисуютъ ее какъ нѣчто этнографически единое, устойчиво сложившееся и въ высокой степени характерное (въ особенности интересны въ этомъ отношеніи записки Боплана).

И это не единственный въ такомъ родѣ фактъ. Вторая половина XVII в. становится свидѣтелемъ новаго грандіознаго колонизаціоннаго движенія украинскаго населенія въ днѣпровско-донской водораздѣлѣ, гдѣ на протяженіи второй половины XVII и затѣмъ въ XVIII в. создается такъ-называемая Слободская Украина—нынѣшняя губернія Харьковская со смежными частями Курской и Воронежской (полки сумскій, ахтырскій, харьковскій, изюмскій, острогожскій). Колонизаціонная политика московскаго правительства, стремившагося къ тому, чтобы разрѣдить эту украинскую колонизацію великорусскимъ элементомъ, создать прочныя великорусскія колоніи среди нея, опять-таки не увѣнчались успѣхомъ. Правительство могло осуществить свою централизационную политику въ сферѣ управленія и общественныхъ отношеній, но этнографическій типъ этой новой тер-

риторіи опять-таки слагается вполнѣ единообразный, ясно выраженный украинскій, и этой Слободской Украинѣ, ея говору, ея этнографіи суждено было сыграть видную роль въ одну изъ первыхъ стадій украинскаго литературнаго движенія въ XIX в.

Заселеніе этой восточной Украины происходило въ значительной степени за счетъ праваго побережья Днѣпра и Побужья, въ третьей четверти XVII в. опустѣвшаго почти совершенно. Но какъ только въ концѣ XVII в. народная стихія почувствовала себя здѣсь свободной, начинается чрезвычайно быстрое заселеніе Правобережья, и послѣ новаго насильственнаго выселенія отсюда украинскаго населенія русскимъ правительствомъ во второмъ десятилѣтіи XVIII в. Правобережье снова чрезвычайно быстро заселяется, уже подѣ польскимъ режимомъ, съ третьяго десятилѣтія XVII в. Затѣмъ народная волна двигается на югъ, съ упадкомъ крымской орды все глубже врѣзывается въ степи, и ко времени уничтоженія Сѣчи (1775) старое „Дикое Поле“ было уже въ значительной степени колонизировано осѣдлымъ земледѣльческимъ населеніемъ подѣ руководствомъ самой запорожской администраціи (какъ извѣстно, эта колонизаціонная дѣятельность была вмѣнена ей въ вину русскимъ правительствомъ и послужила официальнымъ мотивомъ для уничтоженія Сѣчи). Начавшаяся въ XVIII в. колонизація продолжается затѣмъ въ XIX в., захватываетъ огромныя пространства Черноморья, перебрасывается на кавказскій берегъ, врѣзывается глубоко въ бассейнъ Каспійскій, создавая въ общемъ огромную площадь съ преобладающимъ украинскимъ населеніемъ, въ которомъ опять-таки тонуть даже значительныя иноплеменные острова (напримѣръ, вся знаменитая „Новая Сербія“ и „Славяно-Сербскія“ поселенія XVIII в., ассимилированныя безъ остатка) и большія пространства черезполосной колонизаціи, не опредѣлившіяся еще и по нынѣшній день.

Движеніе, такимъ образомъ, въ общемъ шло съ запада на востокъ.

Степныя бури неоднократно сгоняли украинское населеніе и принуждали уходить на сѣверо-западъ и западъ. Такъ было уже несомнѣнно въ IX—X вв., затѣмъ въ XII—XIII, когда за счетъ запустѣвшаго княжества Переяславскаго, южныхъ черниговскихъ земель и всей юго-восточной

части кievской земли вырастаетъ и усиливается государство Галицко-волынское, поднимается Побужье (зап. Буга), Галицкое понизье (по Пруту и Днѣстру), развивается, по всей вѣроятности, карпатская колонизація. Но съ XVI в. движеніе на востокъ, съ небольшими перерывами и возвратами, развивается въ общемъ чрезвычайно интенсивно, собирая огромное количество выходцевъ изъ западной и сѣверной Украины. Это отражается, несомнѣнно, извѣстнымъ ослабленіемъ украинскаго элемента на сѣверныхъ и западныхъ границахъ украинскаго расселенія, извѣстными потерями въ сторону колонизаціи польской, мадьярской, возможно также и бѣлорусской. Но эти потери совершенно ничтожны сравнительно съ огромными колонизаціонными приобрѣтеніями на востокъ и югъ, и позднѣйшее ослабленіе украинскаго элемента въ западной Украинѣ явилось въ гораздо большей мѣрѣ слѣдствіемъ неблагоприятныхъ политическихъ и социальныхъ условий, чѣмъ, собственно, колонизаціонныхъ потерь.

Эта стихійная народная энергія, этотъ инстинктъ національнаго созиданія и организаціи поражаетъ особенно сильно въ виду полного отсутствія сознательнаго національнаго строительства, слабости національнаго сознанія и національной культуры. Въ этомъ отношеніи, какъ уже отмѣчено было, историческія условія были крайне неблагоприятны для украинскаго народа. Тѣ формы, въ которыхъ слагалось понятіе національнаго единства у другихъ народовъ—политическія организаціи, религіозныя и культурныя связи—на украинской территоріи никогда не совпадали съ ея этнографическимъ составомъ, не выдѣляли украинскую народность, какъ единое и цѣлое, изъ другихъ родственныхъ и сосѣдственныхъ народностей, а, наоборотъ, разрывая сплошь да рядомъ по живому тѣлу украинскую этнографическую массу, связывали ея части съ другими сосѣдними народностями.

Въ первыя столѣтія исторической жизни, въ эпоху Кіевскаго государства, имя Руси, „русинь“, „русскій“ въ болѣе тѣсномъ значеніи обозначало лишь Кіевскую землю—центръ политической и культурной жизни государства,—а въ болѣе широкомъ—всѣ славянскія племена, входившія въ составъ послѣдняго. Потомъ общность политическихъ и культурныхъ традицій, даже съ паденіемъ политическаго единства, продолжала объединять племена и земли, вхо-

дившія нѣкогда въ составъ Кіевскаго государства, тѣмъ болѣе, что не было недостатка въ факторахъ, умышленно поддерживавшихъ и искусственно подогрѣвавшихъ традиціи единства (церковная политика іерархіи, династическая политика князей и т. п.). Вліяніе этихъ искусственно поддерживаемыхъ тенденцій было тѣмъ значительнѣе, что рядъ другихъ обстоятельствъ, съ своей стороны, неблагопріятствовалъ развитію національнаго обособленія. Украинское населеніе и его территорія съ потерей государственнаго единства входили частями въ составъ постороннихъ политическихъ тѣлъ: Польши, Литвы, Венгріи, Московскаго государства, Молдавіи. Политическіе, церковные и всякіе другіе интересы, разобщая украинскую территорію, вводили ея отдѣльныя части въ болѣе тѣсную связь съ другими, чужеродными областями. Напримѣръ, западныя украинскія земли, находясь подъ польскимъ гнетомъ, искали помощи и облегченія своего положенія у Молдавіи, близкой вѣрой и культурой и тоже связанной политическими связями съ Польшей. Въ то же время центральныя украинскія земли были тѣсно связаны условіями политической и національной борьбы съ бѣлорусскими землями, входившими вмѣстѣ съ ними въ составъ в. кн. Литовскаго. Наряду съ старымъ національнымъ языкомъ, кіевской эпохи, постепенно вытѣсняя его, выступила новая канцелярская и литературная рѣчь, выросшая на бѣлорусской почвѣ в. кн. Литовскаго и принятая центральными украинскими землями въ качествѣ общаго книжнаго языка почти на два столѣтія; культурное движеніе XVI в. развивалось общими силами—украинскими и бѣлорусскими, и немало выдающихся украинскихъ дѣятелей переносило свою дѣятельность въ бѣлорусскіе центры. Восточная же Украина, отозванная отъ остальныхъ украинскихъ земель московско-польскими трактатами, со второй половины XVII в. подпадаетъ благодаря имъ все болѣе глубокому вліянію великорусскому—великорусскаго быта и культуры. Такъ создаются культурныя, а также и церковныя трещины на украинскомъ народномъ организмѣ. Западныя и центральныя земли живутъ въ тѣсной связи съ землями бѣлорусскими подъ вліяніемъ польской культуры между тѣмъ, какъ культурная жизнь лѣвобережной Украины подпадаетъ все болѣе глубокому обрусѣнію, не только насильственному, но и полудобровольному. Введеніе уніи въ западной Украинѣ создаетъ въ

теченіе XVIII в. релігійное середостѣніе между обѣими частями украинскаго народа. Присоединеніе правобережной Украины въ концѣ XVIII в. къ Россіи и уничтоженіе уніи перебиваютъ на западъ, на Волинь, а затѣмъ на галицкую границу это релігійное и культурное средостѣніе, но не уничтожаютъ отличій, образовавшихся въ теченіе столѣтій искусственнаго отчужденія.

Эти въ высокой степени неблагопріятныя для національнаго единства украинскаго народа условія между прочимъ проявились въ характерномъ явленіи—потерѣ національнаго имени. Старое историческое имя, созданное эпохой государственной жизни.—„Русь“, русинь, русскій,—сохранилось въ западной Украинѣ, гдѣ эта Русь сталкивалась съ Польшей, венграми, румынами, и не было мѣста никакимъ сомнѣніямъ относительно того, кого и что обозначаетъ это имя. Поэтому терминъ „Малая Россія“, появляющійся первоначально въ XIV в. именно въ Галицко-волинскомъ государствѣ, вѣроятно, въ связи съ образованіемъ (въ началѣ XIV в.) отдѣльной митрополіи для Галицко-волинскихъ земель (противополагавшейся, такимъ образомъ, землямъ, оставшимся въ составѣ старой, кievской митрополіи), не привился здѣсь, хотя былъ включенъ даже въ титулъ послѣднихъ галицко-волинскихъ князей. Для него здѣсь не было *raison d'être*, и старое имя „Руси“ въ западной Украинѣ (Галиціи и смежныхъ областяхъ), въ значеніи именно украинскаго элемента, сохранилось по нынѣшній день. Только въ самое послѣднее время, въ виду тѣхъ недоразумѣній и тенденціозныхъ подтасовокъ, какія производятся съ помощью двойственности этого имени,—обозначающаго то мѣстную украинскую стихію, то мѣстное москвофильское, общероссійское теченіе, то русское-великорусское (называемое здѣсь для отличія „россійскимъ“),—пришлось и здѣсь вмѣсто этого стараго историческаго имени принять болѣе новое, но зато опредѣленное, не оставляющее мѣста недоразумѣнію.

Гораздо раньше, впрочемъ, объ этомъ пришлось позаботиться въ восточной и сѣверо-восточной Украинѣ, на линіи соприкосновенія съ бѣлоруссами, и особенно съ землями великороссійскими, съ Московскимъ государствомъ. И бѣлорусское, и великорусское населеніе прилагали къ себѣ русское имя, усвоенное ими отъ эпохи Кіевскаго государства; но

народное самочувствіе самымъ опредѣленнымъ образомъ отличало эти восточно-славянскія группы и искало для нихъ соотвѣтствующихъ обозначеній. Такъ появляются въ обиходѣ XV—XVI вв. политическія обозначенія „людей литовскихъ“, „московскихъ“, и далѣе такія интересныя по своему происхожденію названія, какъ „бѣлорусскій“ (отнюдь еще не въ позднѣйшемъ значеніи), „черкесскій“ и т. п. Позже, въ XVII в., съ присоединеніемъ Украины къ Московскому государству, въ оффиціальному обиходѣ утверждаются обозначенія Великой, Малой и Бѣлой Руси. Названіе „Малой Россіи“ прививается довольно прочно также и въ оффиціальному обиходѣ украинскихъ земель, присоединенныхъ къ Московскому государству, именно Гетманщины, для обозначенія территоріи этой послѣдней. Въ этомъ значеніи переходитъ оно затѣмъ и въ литературный обиходъ Украины, обозначая территорію, населеніе, устройство и бытъ Гетманщины. Универсальнаго характера оно не имѣло и не пріобрѣло, и позднѣйшее употребленіе „малорусскаго“ или „малороссійскаго“ термина для всей территоріи украинскаго расселенія, для всего украинскаго народа, имѣло чисто ученый, условный характеръ, такъ же точно, какъ и другой ученый терминъ—„южнорусскій“. Поэтому въ концѣ-концовъ, надъ нимъ сталъ постепенно брать перевѣсъ другой, также мѣстный, но гораздо болѣе популярный, принятый самимъ населеніемъ терминъ, — „Украина“, „украинскій“.

Ростъ и распространеніе этого термина являются интересными симптомами того передвиженія центра тяжести украинской жизни съ запада на востокъ, какимъ характеризуется, при всѣхъ преходящихъ колебаніяхъ, ея исторія въ теченіе послѣднихъ четырехъ столѣтій. Названіе это, обозначавшее вообще окраинныя земли (въ такомъ смыслѣ употребляется оно въ украинскихъ памятникахъ XII—XIII вв.), въ XVI—XVII вв. специализируется на восточно-украинскихъ земляхъ, на Побужьи и Поднѣпровьи, составлявшихъ далекую окраину для тогдашней украинской жизни, развивавшейся въ западныхъ земляхъ, и для всего польско-литовскаго государства. Но это названіе сохраняется за восточно-украинскими землями и позже, когда сюда, подъ защиту казачества, начинаетъ придвигаться культурное, національное украинское движеніе изъ западныхъ земель, а возстаніе Хмельницкаго превращаетъ

Поднѣпровье въ настоящій центръ политической и общественной украинской жизни. Мы встрѣчаемъ его затѣмъ въ XVIII в. въ разныхъ комбинаціяхъ (въ родѣ „Украины малороссійской“ и т. п.), и затѣмъ его же принимаетъ, рѣшительно отклоняя „малороссійскіе“ термины, литературное возрожденіе XIX в. Съ этихъ поръ, собственно говоря, вопросъ былъ рѣшенъ. Съ дальнѣйшими успѣхами національнаго сознанія, по мѣрѣ того, какъ вырисовывалось національное единство украинскаго народа, связь и непрерывность его исторической жизни, этотъ терминъ долженъ былъ постепенно распространиться на всю украинскую территорію въ настоящемъ, на всю жизнь украинскаго населенія въ прошломъ. Самосознающій народъ не можетъ оставаться безъ имени, и разъ подобралось одно изъ обозначеній, взявшее перевѣсъ надъ остальными, оно неизбежно должно охватить всю народную жизнь на всею ея протяженіи, какъ бы ни странно было, на первыхъ порахъ, людямъ, выросшимъ въ иной терминологіи, говорить объ украинскомъ князѣ Владимірѣ Святомъ или украинскомъ населеніи Львова, Черновець или Мункача.

Въ рамкахъ журнальной статьи я не имѣю возможности подробнѣе разсмотрѣть вопросы, затронутые здѣсь. Могу только отмѣтить чрезвычайно тяжелыя послѣдствія, какія имѣла для національной жизни и національнаго самосознанія потеря высшихъ, болѣе культурныхъ и богатыхъ слоевъ общества, которую нѣсколько разъ въ своей исторіи пришлось пережить украинскому народу—вслѣдствіе насильственнаго замѣщенія этихъ слоевъ инородными привилегированными элементами или вслѣдствіе ихъ собственной денационализаціи. Эта послѣдняя одновременно служитъ яркимъ показателемъ всей тяжести тѣхъ политическихъ и общественныхъ условій, въ которыхъ приходилось жить украинскому населенію и которыя, разумѣется, наиболѣе живо и болѣзненно ощущались классами болѣе достаточными, болѣе культурными, болѣе требовательными и болѣе впечатлительными въ вопросахъ свободнаго существованія и развитія.

Тяжелый гнетъ, который пришлось переживать украинскому элементу подъ польскимъ режимомъ, впрочемъ, все-таки не доходилъ до такихъ рѣзкихъ и общихъ запретительныхъ мѣръ, направленныхъ противъ самой народ-

ной души—письменности и языка, какими ознаменовалъ себя въ украинской жизни режимъ московскій. Чрезъ нѣсколько лѣтъ можно будетъ отпраздновать двухсотлѣтіе запрещенія украинскаго слова, украинской книжности, украинской печати,—со времени извѣстнаго, петровскаго указа 1720 г., требовавшаго, чтобы въ украинскихъ изданіяхъ не было „никакой розни и особаго нарѣчія“. Эта система запрещеній украинства, вплоть до украинскаго выговора и акцента, тяготѣвшая съ тѣхъ поръ, въ болѣе или менѣе рѣзкихъ формахъ, на украинскихъ земляхъ, входившихъ въ составъ Россіи, была тѣмъ опаснѣе, что историческія условія не только передвигали границу Россіи все далѣе и далѣе на западъ, но и независимо отъ того, какъ я уже отмѣтилъ, переносили центръ тяжести украинской жизни все болѣе опредѣленно въ ея восточныя области, и система запрещеній, захватывавшая эти послѣднія, губительнѣйшимъ образомъ отражалась на всей украинской жизни.

Но этотъ двухсотлѣтній юбилей будетъ также памятникомъ торжества украинской стихіи надъ всѣми препятствіями, лежавшими на пути ея развитія: надъ историческими условіями, расчленявшими ея территорію и раскалывавшими ея жизнь, надъ неблагопріятными политическими и общественными условіями, лишавшими ея наиболѣе культурныхъ и сознательныхъ классовъ и всякихъ средствъ и орудій національной культуры, надъ ограниченіями, парализовавшими всякія культурныя и національныя начинанія. Тотъ же могущественный инстинктъ національнаго строительства, который сохранилъ украинское населеніе среди всѣхъ колонизаціонныхъ буръ и передрягъ и возрождалъ его постоянно къ новой жизни, къ новымъ колонизаціоннымъ пріобрѣтеніямъ, поддерживалъ въ условіяхъ самыхъ тяжелыхъ и неблагопріятныхъ ея національное сцѣпленіе, изъ перекрещивавшихся политическихъ, религіозныхъ и культурныхъ теченій создавалъ почти неуловимыя комбинаціи, которыя въ конечномъ результатѣ поддерживали связь украинскихъ территорій, эндосмосъ и экзосмосъ народной жизни въ ихъ разобщенныхъ частяхъ, и неизмѣнно въ моменты пробужденія національной жизни выдвигалъ вопросъ о національномъ объединеніи ихъ. Онъ же, въ виду невозможности на почвѣ которой-либо изъ тѣхъ культуръ, какія навязывались

украинскому населенію господствующими народностями, объединить всю разсыпанную хранину украинской жизни на почвѣ культуры великорусской, такъ же точно, какъ и польской, не говоря уже о нѣмецкой, мадьярской или румынской,—непреодолимо побуждалъ къ созданію національной культуры и созидалъ ее въ условіяхъ самыхъ неблагоприятныхъ, средствами самыми ничтожными и убогими. Онъ выдвигалъ новыя интеллигентскія силы изъ темныхъ и забытыхъ слоевъ украинскаго населенія, отыскивалъ глашатаевъ народнаго сознанія среди полуграмотныхъ самоучекъ, убогихъ паріевъ украинской церкви, крѣпостныхъ рабовъ, инородной аристократіи...

Въ настоящее время наиболѣе тяжелыя и темныя стадіи этого процесса лежатъ уже за нами. Изъ періода полусознательныхъ или вовсе стихійныхъ порывовъ онъ переходитъ въ періодъ сознательнаго національнаго строительства. И если, съ одной стороны, созданіе формъ национальной культуры и средствъ національнаго развитія является постулатомъ элементарнѣйшихъ потребностей народныхъ массъ, *conditio sine qua* поп ихъ экономическаго, культурнаго и общественнаго движенія, отъ котораго остается лишь прозябаніе, захуданіе и вымираніе,—то, съ другой стороны, оно вѣнчаетъ собой тотъ стихійный процессъ борьбы за сохраненіе своей этнической особи, которую украинское населеніе вело на протяженіи столькихъ вѣковъ своего историческаго существованія. Только теперь получаетъ она тѣ сознательныя планомѣрныя, организованныя формы, которыхъ не доставало до сихъ поръ украинскому населенію въ его вѣковыхъ усиліяхъ къ національной жизни и развитію, и въ нихъ и черезъ нихъ долженъ произойти знаменательный процессъ претворенія могучей народной этнической стихіи и ея статической потенціи въ самосознающую и самонаправляющую динамику національной жизни.

Мих. Грушевскій.